
И. А. ЛОБАКОВА

К полемике о соотношении «Повести о разорении Рязани Батыем» со Словом о житии и преставлении Дмитрия Ивановича и Повестью о нашествии Тохтамышша

«Повесть о разорении Рязани Батыем» справедливо относят к числу наиболее совершенных произведений литературы Древней Руси, рассматривая ее в одном ряду со «Словом о полку Игореве».¹ Но если в оценке художественных достоинств памятника исследователи достаточно единодушны, то в вопросе о времени его создания мнения расходятся: от 1270-х до 1530-х гг.²

В тексте «Повести о разорении Рязани Батыем», как и во многих других произведениях древнерусской литературы, к сожалению, не содержится каких-либо текстологических данных, имеющих безусловное датирующее значение. Три самых ранних списка памятника относятся к 1560—1570-м гг.; в них читаются тексты редакции А основной и двух видов редакции Б, что свидетельствует о том, что к этому времени уже существовала некая устойчивая рукописная традиция. Впрочем, сам факт принадлежности самых ранних списков к XVI в. не может рассматриваться в качестве подтверждения позднего происхождения Повести. В списках этого времени дошла до нас большая часть произведений литературы домонгольского периода (как оригинальных, так и переводных): «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «История Иудейской войны»

¹ См., например: Соболевский А. И. К «Слову о полку Игореве» // ИпоРЯС. Л., 1929. Т. 2, кн. 1. С. 180—181; Орлов А. С. 1) Древняя русская литература XI—XVI в. М.; Л., 1939. С. 141; 2) Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945. С. 110; Скрипиль М. О. История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 99; Лихачев Д. С. 1) Повести о Николе Заразском // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 257—281; 2) Великое наследие. Классические произведения Древней Руси. М., 1975. С. 234—235; Адрианова-Перетц В. П. 1) Историческая литература XI—XVI вв. и народная поэзия // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 95—138; 2) Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 44—48; Путилов Б. Н. Песня о Евпатии Коловрате // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 118—139; Еремин И. П. Лекции по древней русской литературе. Л., 1970. С. 290—292; Дмитриев Л. А. 1) Беллетристические элементы в историческом повествовании XIV—XVI вв. // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 290—292; 2) Литература первых лет монголо-татарского ига. 1237—конец XIII века // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 121—123; Лобак ова (Евсеева) И. А. 1) Анализ формульного стиля «Повести о разорении Рязани Батыем» // Рукописная традиция XVI—XIX веков на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 120—126; 2) Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 36—53; Демкова Н. С. Летописная агиографическая «повесть» о смерти князя как жанровая модель средневекового повествования // Чтения по истории и культуре древней и новой России. Ярославль, 1988. С. 53—57.

² О датировке Повести 1530—1560-ми гг. А. О. Амелиным и Б. М. Клоссом см.: Лобак ова и И. А. Заметки по текстологии «Повестей о Николе Заразском» (Отклик на концепцию Б. М. Клосса) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Poleмика. СПб., 2005. С. 761—783.

Иосифа Флавия, «Слово на Лазарево воскресение», Летописец Переяславля-Суздальского, «Христианская топография» Козьмы Индикоплова, Галицко-Волынская летопись и другие, что связывают с пробудившимся во втор. пол. XV—XVI в. вниманием к своим истокам. Частота и опасность татарских набегов на южные области государства в то время поддерживали интерес к произведениям, в которых описывалось начало героической борьбы с «агарянами», поэтому, вероятно, Повесть о разорении Рязани и оказалась востребованной для переписки. Сложно сравнивать «Повесть о разорении Рязани Батыем» с другими произведениями, ибо оно — «единственное, которое сохранилось от всей, очевидно, немалой рязанской литературы. Созданное на пепелище, оно сохранило тем не менее тот великолепный „пошиб“ и точность стилистического чекана, по которым опознается не только личная одаренность автора, но и принадлежность его к целой школе мастерства».³

Отнести создание памятника к XV в. (а то и к XVI столетию), как представляется, затруднительно по целому ряду причин. Во-первых, как объяснить вдруг проснувшийся интерес в это время к реальным фактам разгрома Батыем Рязани в 1237 г.? Кто мог проявить внимание к этой теме, если род рязанских князей пресекся после смерти в 1456 г. Ивана Федоровича Рязанского (по отцу — внука Олега Ивановича Рязанского, по матери — Дмитрия Ивановича Донского), а большая часть земель Рязанского княжества отошла к Москве? В сложившейся ситуации в сложный период расширения владений Московского государства прошлые беды Рязанской земли вряд ли были актуальны. Обстоятельства разгрома Рязани — события двухсотлетней давности — не являлись первостепенными в ряду осмысляемых.

Во-вторых, создатель Повести обнаруживает точные знания в области родственных связей рязанских князей, о которых очень немного известно по летописным источникам и которые подтверждаются археологическими данными. Напомним, что во всех основных редакциях Повести сообщается о том, что монголо-татарами было расхищено «узорочье нарочитое» (т. е. драгоценные изделия златокузнечного мастерства), а также «богатство резанское и сродник их киевское и черниговское». Хотя сведений о генеалогических связях рязанского княжеского дома немного, но упоминание Киева и Чернигова имеет под собой реальные основания: Роман Глебович Рязанский был женат на дочери Святослава Всеволодовича Черниговского (героя «Слова о полку Игореве»), а его брат Ярослав Глебович — на дочери Рюрика Ростиславича Киевского. Связи эти подтвердились археологическими материалами, касающимися именно «узорочья»: «В старой Рязани в составе клада 1868 г. найдены тонкие тисненные бляшки, оттиснутые на одном штампе с бляшками из Киевского княжества (Княжья Гора) и из клада близ Чернигова (Святое озеро). Кроме того, там же есть серебряные тисненные колты с чернью, близкие к работе черниговских мастеров и представляющие единичную находку в рязанских древностях».⁴ Во всех летописях предельно кратко сообщается о захваченном в Рязани татарами «имении», потому невозможно объяснить, откуда в XV в. появилось вдруг абсолютно точное с генеалогической и археологической точек зрения пояснение, что именно было «расхищено» в Рязани.

В-третьих, создание в Московском государстве произведения, в котором подчеркивалась бы законная принадлежность Рязанскому княжеству Коломны и Муром (в братском войске рязанских князей, согласно тексту «Повести о разорении Рязани Батыем», бились с татарами и погибли Глеб Коломенский и Давыд Муромский), выглядит труднообъяснимым. Если «отпадение» Муром от

³ Лихачев Д. С. Великое наследие... С. 224.

⁴ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.; Л., 1948. С. 453.

Рязанского княжества после монголо-татарского нашествия шло медленно и бескровно (по крайней мере летописи не содержат сведений об ином развитии событий), то история присоединения Коломны была долгой и трагичной. С 1162 г. Рязани приходилось отражать попытки владими́ро-суздальских князей захватить Коломну. Борьба за этот город с Всеволодовичами трагически завершилась в 1305 г., когда по приказу Юрия Московского был убит томившийся в плену рязанский князь Константин, не пожелавший отдать Коломну за свое освобождение. После того как Юрий Данилович получил ярлык на великое княжение в 1319 г., спор о Коломне был закончен. В летописях ни Давыд Муромский, ни Глеб Коломенский не упоминаются.⁵ Единство Рязанского княжества имело смысл подчеркивать, пока существовала возможность это единство сохранять. Такая возможность была утрачена в самом начале XIV в. из-за вероломства московского князя. Почему вдруг в XV в. вновь возник интерес к реальным фактам истории Рязанской земли?

В-четвертых, текст действительно созданной в XVI в. Хронографической редакции «Повести о разорении Рязани Батыем» обнаруживает, сколь значительные сдвиги по сравнению с дошедшими в списках XVI в. старшими редакциями памятника (А, Б 1-го и 2-го видов) произошли в поэтической системе памятника, его ритмической организации, историософском осмыслении нашествия.⁶

В-пятых, в ряде произведений конца XIV—XV в. обнаруживаются цитаты и реминисценции из «Повести о разорении Рязани Батыем».

Так, заметно влияние текста Повести в «Задонщине».⁷ К уже отмеченным параллелям можем добавить следующие. «Фрязи» отвечают прибежавшему в их земли Мамаю: «Нѣшто *тобя* князи руские *горазно подчивали*: ни князей с тобою, ни воевод! Нѣшто *гораздо упилися* у быстрого Дону на полѣ Куликовѣ на *травѣ ковыль!*».⁸ Обращение к эпизоду о Евпатии Коловрате, как представляется, позволяет найти один из источников данной реминисценции. Когда Батый смотрит на убитого Евпатия, то говорит: «*Гораздо еси меня подчивал* Малуо своею дружиною, да многих богатырей сильной Орды побил еси, и многие полки падоша».⁹ (В ред. Б 1-го вида к слову «богатырей» добавлено слово «нарочитых»; в ред. Б 2-го вида обращения Батыя к Евпатию нет.)¹⁰ Реализацией соединения

⁵ О публицистическом приеме объединения в войске рязанских князей, реально существовавших и уже умерших к 1237 г., см.: Л о б а к о в а И. А. Проблема соотношения старших редакций... С. 49. Этот же прием сведения как современников исторических лиц, живших в разное время, наблюдается и в «Слове о погибели Русской земли», например, Владимир Мономах — Мануил Комнин.

⁶ См.: Л о б а к о в а И. А. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в Хронографической редакции XVI в. // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 156—171.

⁷ См.: Л и х а ч е в Д. С. «Задонщина» и «Повесть о разорении Рязани Батыем» // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 281—285. Вопрос о времени создания «Задонщины», как известно, окончательно не решен. Ряд исследователей датировал ее 80—90-ми гг. XIV в. (М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, А. В. Соловьев, Л. А. Дмитриев и мн. др.), однако в настоящее время появились исследования, в которых возникновение произведения отнесено к 1460—1480-м гг. (см.: Ш и б а е в М. А. «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь // Очерки феодальной России. М., 2003. С. 29—57. Этой же точки зрения, как явствует из сделанного им в Отделе древнерусской литературы ИРЛИ доклада в марте 2003 г., придерживается А. Г. Бобров). М. А. Салмина относит «Задонщину» к XVI в., с чем, на наш взгляд, сложно согласиться. См.: С а л м и н а М. А. 1) К вопросу о датировке так называемого Новгородско-Софийского свода // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 173—176; 2) К вопросу о времени и обстоятельствах создания «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 264, примеч. 75.

⁸ Задонщина // БЛДР. Т. 6. XIV—середина XV века. СПб., 1999. С. 116. Далее ссылки в тексте.

⁹ Текст ред. А основной Повести цит. по: Повесть о разорении Рязани Батыем // БЛДР. Т. 5. XIII век. СПб., 1997. С. 140—155.

¹⁰ Тексты ред. Б приводятся по изд.: Л и х а ч е в Д. С. Повести о Николе Заразском. Ред. Б 1-го вида — с. 302—322; ред. Б 2-го вида — с. 322—343.

двух других мотивов того же фрагмента можно считать и метафору «гораздо упилися»: воины Коловрата отвечают Батью: «Не подиви, царю, не успевати *наливати чаш* на великую силу — рать татарскую», а их враги «стали *аки пиальи*». Появление в словах «фрягов» устойчивого словосочетания «на траве ковыле» также объясняется, на наш взгляд, обращением к тексту Повести. В описании погибшей княжеской дружины сказано: «Лежаша на земли пуге, на травѣ ковыле, снѣгом и ледом померзоша...» (С. 150). Призыв князя Юрия Ингореви́ча Рязанского: «Се бо я, брат ваш, напред вас изопью чашу смертную за святѣя Божиа церкви, и за вѣру христьянскую, и за отчину отца нашего...» (С. 142) — повлиял на обращение Дмитрия к двоюродному брату: «Брате князь Владимир Андрѣевичь, тут, брате, испити медовѣа чары поведенѣе. Наеждаем, брате, своими полки силными на рать татарь поганых». Хотя в «Задонщине» ощутима «фольклоризация» книжного образа единой смертной чаши, но смерть в битве, осмысленная как общая хмельная чаша, связывает «Задонщину» именно с Повестью.

«Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя Русского» — еще один памятник московской литературы, в котором обнаруживаются общие чтения с «Повестью о разорении Рязани Батыем». Создание Слова ученые относят к концу XIV (С. К. Шамбинаго,¹¹ А. А. Шахматов¹²) — второй четверти XV в. (В. П. Адрианова-Перетц,¹³ М. Ф. Антонова,¹⁴ М. А. Салмина¹⁵). А. В. Соловьев выдвинул предположение, что автором Слова является Епифаний Премудрый.¹⁶ Г. М. Прохоров, обратив особое внимание на «вклинившееся» в текст памятника письмо его автора к заказчику, как представляется, вполне доказал авторство известного книжника.¹⁷ Таким образом, «Повесть о разорении Рязани Батыем» оказывается связанной с произведением кон. XIV—нач. XV в. Текстологические совпадения «Повести о разорении Рязани Батыем» со «Словом о житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя Русского» уже отмечались. Они обнаруживаются в двух эпизодах: в плаче царицы Евдокии — плаче Ингваря (Ингоря) Ингореви́ча и в похвале Дмитрию Ивановичу — похвале роду рязанских князей.

А. И. Соболевский, первым обративший внимание на близость двух плачей, пришел к выводу, что плач Ингваря Ингореви́ча повлиял на плач Евдокии.¹⁸ В. П. Адрианова-Перетц, анализируя плач княгини, заметила, что он «организовал изложение в плаче рязанского князя по убитой Батыем дружине».¹⁹ В другой своей работе исследовательница выразилась еще более определенно: «Заключительный плач (Ингваря Ингореви́ча. — *И. Л.*), со временем доработан-

¹¹ Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 66, 352—358.

¹² Шахматов А. А. [Рецензия] // Отчет о двенадцатом присуждении Императорской Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910. С. 119—121.

¹³ Адрианова-Перетц В. П. Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 73—96.

¹⁴ Антонова М. Ф. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго»: (Вопросы атрибуции и жанра) // ТОДРЛ. М.; Л., 1974. Т. 28. С. 150—154.

¹⁵ Салмина М. А. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 81—104. Позже исследовательница предложила не очень убедительную, на наш взгляд, гипотезу о том, что памятник был создан в XVI в.: Салмина М. А. 1) «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», памятник XVI в.? // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 159—162; 2) К вопросу о датировке так называемого Новгородско-Софийского свода. С. 173—176.

¹⁶ Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 85—106.

¹⁷ Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987. С. 88—122.

¹⁸ Соболевский А. И. К «Слову о полку Игореве». С. 181.

¹⁹ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 146.

ный по типу плача княгини Евдокии, вдовы Дмитрия Донского, т. е. не раньше XV в., *содержит следы и более древней своей основы* (выделено мною. — И. Л.), в такой, например, фразеологии: „чести-славы ни от кого приемлемо“, „дружина ласкова“, „за утеху и радость“, „узорочье рязанское, храбрые удалыцы“.²⁰ Таким образом, В. П. Адрианова-Перетц полагала, что существовавший плач князя Ингваря в «Повести о разорении Рязани Батыем» был лишь дополнен в XV в., и источником этого дополнения был плач вдовы московского князя. Д. С. Лихачев, давая краткую характеристику литературных связей «Повести о разорении Рязани Батыем», писал: «Сравнивая схожие между собой плачи Ингоря Ингоревиича и вдовы Дмитрия Евдокии, можно заметить в основном большую первоначальность плача Евдокии, к которой лучше подходят основные мотивы и образы плача, а иногда и грамматические формы (за исключением, впрочем, сравнения Евдокии с трубой «рать поведающей»)».²¹ Позже ученый отмечал, что «часть уподоблений» плача более соотносима с образом вдовы, другая часть — с образом князя.²² Д. С. Лихачев также подчеркнул, что «редакция основная Б ближе плачу Евдокии, чем редакция основная А, и в ней поэтому больше несообразных со смыслом плача Ингваря отдельных мест».²³ Подводя некоторые итоги изучения Повести, Д. С. Лихачев сделал вывод: «Плач Ингваря Ингоревиича появился в Повести под влиянием плача великой княгини Евдокии по Дмитрии Донском, читающемся в составленном в XV в. Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича „царя Русьскаго“. Это Слово, повлиявшее на Повесть, само испытало в свою очередь ее влияние».²⁴

Действительно, проблема соотношения двух плачей чрезвычайно сложна, хотя проделанное сопоставление дает некоторый материал для выводов. Прежде всего заметим, что та часть образов и риторических вопросов в плаче, которая совершенно гармонично соотносится с вдовьим причитанием, есть только в плаче княгини: «яко ластовица, рано шепчущи»; «Чему, господине мой милый, не възриши на мя, чему не промолвиши ко мнѣ, чему не обратиши ко мне на одрѣ своем? Ужели мя еси забыл? Что ради не възриши на мене и на дѣти свои, чему имъ ответа не даси?»; «Крѣпко еси, господине мой драгыи, уснулъ, не могу разбудити тебе!»²⁵ и др. В плаче Ингваря Ингоревиича в «Повести о разорении Рязани Батыем» также имеются индивидуальные чтения, в которых раскрывается горе князя, потерявшего мать, всех братьев и «сродников»: «Ужели забыли есте мене, брата своего, от единого отца роженного и единые утробы честнаго плода матери нашей — великой княгини Агрѣпѣны Ростиславне, и единым сосцем воздоеных многоплоднаго винограда?»; «Лежите на земли пусе, никим брегома, чѣти-славы ни от кого приемлемо!»; «Многим землям государи были есте, а ныне лежите на земли пусе, зрак лица вашего изменися во истлѣнии». Князь Ингварь обращается не только к родным, но и к дружине: «О милая моя брати и дружина ласкова! Уже не повеселюсь с вами!» и др.

Что касается близких чтений, то нет оснований утверждать, что они могут быть соотношены исключительно с одним из персонажей. Так, например, срав-

²⁰ Адрианова-Перетц В. П. Историческая литература XI—начала XV века и народная поэзия // Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 47. (Впервые статья была опубликована: ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 95—137.)

²¹ Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском. С. 264.

²² См.: Лихачев Д. С. К истории сложения Повести о разорении Рязани Батыем // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 50.

²³ Лихачев Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV в. // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 276.

²⁴ Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском // Словарь книжников. Вып. 1. С. 335.

²⁵ Текст приводится по опубликованному А. Г. Бобровым и З. В. Дмитриевой списку Новгородской Карамзинской летописи, где во «второй выборке» под 1389 г. читается старший вид Слова (наряду с Новгородской 4 летописью). См.: Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. С. 151—158.

нение Дмитрия Ивановича с многоплодным садом в риторическом обращении: «Винограде многоплодный, уже не подаси плода сердцу моему и сладости души моей!» — если и не вполне удачно, то объяснимо. Представляется, что наличие в княжеской семье многих детей: Василия, Юрия, Андрея, Петра, Ивана, Даниила, Константина и дочери Софьи — могло стать причиной появления образа многоплодного сада в плаче княгини. Однако образ этот не менее логичен в плаче князя Ингваря, одного из многих братьев Ингоревичей. Вместе с братьями Ингварь был частью многоплодного сада, гибель которого он и оплакивает. Если сетование Евдокии: «Почто родихся и, родився, преже тебе како не умрох, да бых не видѣла смерти твоея, а своя погыбели» — связано с традицией народных похоронных причитаний (смерть близкого несет гибель любящему), то и в плаче Ингваря оно уместно: «Почто аз не преже вас умрох, да бых не видѣл смерти твоея, а своя погыбели?». Действительно, князь остался в полном одиночестве перед лицом обрушившихся на всю Рязанскую землю бедствий (нашествия множества врагов, разорения всей Рязанской земли и столицы княжества, гибели великого множества людей) — «в толице погыбели».

В плаче Евдокии есть одно чтение, которое, на наш взгляд, не вписывается в круг средневековых представлений о возрасте человека. Княгиня сетует: «...уность не отиде от нас, а старость не постиже нас». Дмитрий Донской, прожив в браке с Евдокией почти 23 года, умер в возрасте 39 лет и, разумеется, не достиг старости, но «не отошедшая юность» князя несколько сомнительна даже по современным меркам.

Величание княгиней Евдокией умершего мужа «солнце мое» и «месяц мой», безусловно, абсолютно точно с грамматической точки зрения. Но и обращение рязанского князя к погибшим: «Солнце мое драгое, рано заходящее! Месяци красныи, скоро изгибли есте! Звезды восточныа, почто рано зашли есте!» — не может служить доказательством вторичности плача Ингваря. Появление в плаче обращения в единственном числе — «солнце» — свидетельствует об устойчивой традиции именования подобным образом старшего из князей: солнцем здесь назван великий князь Юрий Ингоревич Рязанский; месяцами красными — младшие братья. Вспомним, что в «Слове о полку Игореве» использован подобный прием, когда старшие князья Игорь и Всеволод так же были уподоблены солнцу: «два солнца помѣркаста», а младшие князья — месяцам: «и съ нима молодая месяца, Олегъ и Святославъ, тьмою ся поволокоста».

В плаче Ингваря Ингоревича есть традиционные для народных причитаний обращения к земле и дубравам, которых не содержится в плаче княгини Евдокии в тексте старшего вида Слова о житии и преставлении: «О земля, о земля! О дубравы! Поплачите со мною!». Представляется существенным и то, что плач князя²⁶ является своего рода антитезой к «великому плачу» всей Рязани по князю Федору в начале Повести: там был плач *всех по одному*, здесь *один* оплакивает *всех*. В конце плача Ингваря в третий раз появляется художественный повтор, завершавший повествования о смерти в тексте памятника: князей с дружиной, всех жителей Рязани, теперь — всех родных и близких уцелевшего князя: «Ни един от нихъ возвратися вспять, но вси равно умроша, едину чашу смертную пиша». Если в плаче Евдокии обращение к Богу и Богородице с мольбой о заступничестве завершает ее сетования: «Великий мой Боже, царь царемъ, заступникъ ми буди! Пречистаа госпоже Богородице, не остави мене, во время печали моя не забуди мене!», то молитва Ингваря отделена от его плача: «Великий князь Ингварь Ингоревич въздѣ руцѣ на небо, со слезами возва, глаголаше: „Господи Боже мой! На тя уповах, спаси мя, и от всех гонящих — избави мя! Пречиста владычице Богородице Христа, Бога нашего! Не остави мене во вре-

²⁶ О композиционной роли плача Ингваря Ингоревича в Повести см.: Лобак ова (Евсеева) И. А. Анализ формульного стиля... С. 124—126.

мя печали моея! Великие страсотерпы и сродники наши Борис и Глѣб! Буди мнѣ помощники, грешному, во бранех! О братие моа и господие! Помогайте мнѣ во святых своих молитвах на супостаты наши — на агаряне и внуци измаительска рода!“». В молитве, открывающейся цитатой из Псалтыри (7: 2—3), звучит главная просьба князя: о помощи в битвах «на супостаты наши», традиционная для воинского повествования.

Таким образом, плач Евдокии в Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича (в старшей редакции, читающейся в Новгородской 4 и Новгородской Карамзинской летописях) не дает безусловных текстологических доказательств его первичности по отношению к плачу Ингваря Ингоревича в Повести о разорении Рязани. Не настаивая на обратной связи двух плачей, заметим, что нельзя исключить ни возможности перенесения части образов из одного плача в другой уже в более поздней рукописной традиции (согласно предположению В. П. Адриановой-Перетц), ни того, что в основе двух плачей мог быть общий, не дошедший до нас источник, как полагал Д. С. Лихачев.²⁷ Как представляется, «Слово на Рождество Христово», заимствования из которого прежде отмечались в Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича,²⁸ свидетельствует о еще одном проявлении знакомства с этим источником, отразившемся в памятнике ораторской прозы по-своему. Само «Слово на Рождество Христово», читавшееся в Торжественниках, было включено в Великие Минеи Четвы митрополита Макария.²⁹ В плаче матерей Вифлеема об убитых по приказу царя Ирода детях имеется чтение, близкое плачу Ингваря в «Повести о разорении Рязани Батыем» (в таблице — ПорРБ) и авторскому плачу о князе в Слове о житии и преставлении (в таблице — Слово о житии), однако вряд ли Слово на Рождество было источником для разбираемых произведений:

ПорРБ	Слово о житии	Слово на Рождество
Се бо в горести души моея язык мой связается, уста загражаются, зрак опусмевает, крѣпость изнемогает! (с. 298).	От горести душа языкъ стязается, уста загражаются, гортань премлькает, смыслъ измѣняется, зракъ опуснѣвает, крѣпость изнемогается (с. 218).	Власы наша растерзаются, очи не можета огненныхъ слезъ точити, языкъ ми связуется, гортань ми пресыхает, сердце ми раставает, чресла ми проторгаются, колѣни ми изнемогаета, руцѣ ми оцѣпята ³⁰ (с. 114).

Очевидно, что все тексты ориентированы на библейскую традицию. Можно привести следующие параллели: «Изше, яко скудель, крепость моя, и язык мой прильпе гортани моему» (Пс. 21: 16); «Заградишася уста моя» (Пс. 12: 12); «Оскудеша очи моя в слезах» (Пл. Иер. 2: 11); «Изнеможе нищетюю крепость моя» (Пс. 30: 11). Однако общим для всех трех произведений является только один фрагмент: «язык мой (-; язык ми) связается (стязается;³¹ связуется)». Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича и Слово на Рождество имеют еще одно общее чтение: «Гортань (ми) премлькает (пресыхает)». Разумеется, плач Ин-

²⁷ См.: Лихачев Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем»... С. 276.

²⁸ См.: Салмина М. А. Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича (комментарий) // БЛДР. Т. 6. XIV—середина XV века. СПб., 1999. С. 545.

²⁹ См.: Лобакова И. А. Слово на Рождество (комментарий) // БЛДР. Т. 12. XVI век. СПб., 2003. С. 106—107.

³⁰ Плач вифлеемских матерей стал источником сетований Мамая в летописной Повести о Куликовской битве: «Власи наши растрѣзаются, очи наши не могут огненныхъ слезъ источати, языци наши связуются, и гортан ми пресыхает, и сердце раставает, чресла ми протязаются, колѣни изнемогают, а руце ми оципают» (Новгородская Карамзинская летопись. С. 142).

³¹ Слово «стязается» в Слове о житии и преставлении не вполне подходит по смыслу. Словари фиксируют два основных значения глагола «стязати» — укреплять; стягивать. Возможно, слово это из-за неточного прочтения заменило прежде бывшее «связуется».

гваря Ингоревича в Повести и авторский плач в Слове о житии и преставлении гораздо ближе друг другу. Но если в плаче рязанского князя наблюдается четкая ритмическая организация текста, подчеркнутая совпадением глагольных окончаний (связается — загражаются — опусмеваает — изнемогает), то в авторском плаче по московскому князю есть два дополнительных чтения (гортань премлькает, смысл измѣняется), и установки на созвучие глагольных окончаний нет (стязается — загражаются — премлькает — измѣняется — опуснѣвает, изнемогается).

Д. С. Лихачев привел лишь одно вторичное чтение в плаче Ингваря Ингоревича. Таковым ученый считал риторический вопрос: «Како нареку день той или како возпишу его?», источником которого назвал авторский плач в Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича.³² Однако необходимо принять во внимание, что и в «Повести о разорении Рязани Батыем» данный риторический вопрос вполне уместен: «Како нареку день той, или како возпишу его — в он же погиге толико господарей и многие узорочье резанское храбрых удалцев. Ни един от них возвратиса вспаить, но вси равно умроша, едину чашу смертную пиша». Мотив гибели князей и дружины включен в композиционный повтор, содержащий образ единой смертной чаши. Таким образом, фрагмент не может служить доказательством вторичности плача князя Ингваря.

О. В. Творогов в своих заметках, любезно переданных мне, предложил считать вторичным сравнение, отнесенное к крику горя князя Ингваря, «воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся». Собственно сравнение голоса князя с трубой уже читалось в описании плача Ингваря Ингоревича над погибшей Рязанью: «Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погигель грех ради наших и жалостно возкричаша, яко труба, рати глас подавающе, яко сладкий орган вещающе, и от велиаго кричания и вопля страшнаго лежаща на земли, яко мертв». Сравнение голоса князя с трубой, «подающей знак к началу битвы», в данном фрагменте вполне оправданно с художественной точки зрения. В описании плача Ингваря над погибшими князьями и дружиной его голос сравнивается, как и предложено нами в переводе, с «разрастающимся» звуком трубы. Т. е. в плаче Ингваря художественная система связана с комплексом образов воинского повествования. Другое значение глагола «распалатися», как отмечает О. В. Творогов, — «приходить в состояние сильного возбуждения, волнения». В плаче княгини Евдокии «утробность» ее переживаний источником своим имеет средства художественной экспрессии библейских текстов.³³

Таким образом, в высшей степени затруднительно решить, какой из плачей — князя Ингваря или княгини Евдокии — первичен. Текстологическими данными, позволяющими аргументированно утверждать прямую зависимость одного из них от другого, мы не располагаем. Проведенный анализ по крайней мере позволяет поставить под сомнение существовавшую прежде точку зрения о зависимости плача рязанского князя от плача вдовы Дмитрия Донского.

Потому вопрос о соотношении похвалы роду рязанских князей в Повести с похвалой московскому князю приобретает особую значимость. Связь похвалы роду рязанских князей с архаической литературной традицией подчеркивали практически все исследователи, занимавшиеся памятником («лицем красны, очима светлы, взором грозны», «сердцем легкы», «на пиrowанье тшивы», «с погаными половцы часто бьяшася» и др.). Хотелось бы добавить, что «Повесть о разорении Рязани Батыем», построенная по жанровой модели летописной повести о смерти князя (этот тип летописного повествования выделил И. П. Ере-

³² Лихачев Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем...». С. 276—277.

³³ См о «чревных» образах и метафорах страдания человека в Ветхом Завете.: Аверинцев в С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 61—64.

мин³⁴), завершена необходимой с точки зрения композиции похвалой.³⁵ В Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича похвалы как композиционной единицы нет. Она «рассыпана» по всему тексту произведения. Предлагаем сопоставить похвалу роду рязанских князей с имеющимися близкими к ней чтениями похвалы московскому князю:

ПорРБ	Слово о житии
<p>Сии бо государи рода <i>Владимера Свято-славича, сродника Борису и Глѣбу</i>,³⁶ внучата великаго князя Святослава Ольговича Черниговского. Бяше родом христоролюбивыи, братолюбивыи, лицом красныи, очима светлыи, взором грозныи, паче мѣры храбрыи, сердцем легкыи, к бояром ласковыи, к приеждим привѣтливыйи, к церквам прилежныи, на пиrowанье тшивыйи, до осподарьских потех охочи, ратному дѣлу вельми искусныи, к братье своей и ко их посолником величавыйи (с. 300).</p> <p>Мужествен умъ имѣяше, в правде-истине пребываеши, чистоту душевную и телесную без порока соблюдаеши. Святого корени отрасли и Богом насаженаго сада цветы прекрасныи, воспитаны быша въ благочестии со всяцем наказании духовнем. От самых пелень Бога возлюбилыи, о церквах Божиих вельми печашеши. Пустошных бесѣд не творяще, срамных человек отвращаеши, а со благыми всегда бѣсѣдоваши, Божественных писаниих всегда во умилении послушаеши (с. 300—301).</p> <p>Ратнымъ во бранех страшения ивляеши, многыя враги, востающыи на ны, побеждаши, и во всех странах славна имя имуща. Ко греческому царем великую любовь имуща и дары у них многи взимаши (с. 301).</p> <p>А по браце целомудрено живяста, смотряючи своего спасения. В чистой совести, и крѣпости, и разуму притержаеши земное царство и к небесному приближаеши. Плоты узодие не творяще, соблюдаючи тѣло свое по браце греху непричастна. Государский сан держа, а посту и молитве прилежаста и кресты на рамахъ своемъ носяща. И честь и славу от всего мира приимаеши. А святыи дни святого поста честно храняста, а по вся святыи посты причащаста святыи пречистыхъ бессмертныхъ ташъ (с. 301).</p> <p>И многи труды и побѣды по правой вѣре показаста. А с погаными половцы часто бѣяшася за святыи церкви и православную вѣру. А отчину свою от супостатъ велми без лѣности храняща. А милостину неоскудну даяща, и ласкою своею многих от невѣрныхъ царей, детей их и братью к собѣ приимаеши и на вѣру истинную обращаеши (с. 301).</p>	<p>Сии убо князь Дмитрии родися от благо-родну и честну родителю...<i>корене святого и Богом насаженаго саду, отрасль благоплодна и цветъ прекрасныи царя Володимера</i>, новаго Костянтина, крестившаго землю Рускую, сродникъ же бысть новою чудотворцю <i>Бориса и Глѣба</i>. <i>Въспитан же бысть въ благочестии и въ славу, съ всяцемъ наказаниемъ духовнымъ, и от самых пелень Бога возлюбилыи</i>. Отцю же его... (с. 206).</p> <p>...по данѣи нему благодати от Бога, чести же и славы, еще же млад сынъ върастомъ, но духовныхъ прилежаше дѣлесех, пустошныхъ бесѣд не творяше, и срамныхъ глаголь не любяше, а злоправныхъ человекъ отвращаеши, а съ благыми всегда бѣсѣдоваши, и божественныхъ Писаниихъ всегда с умилениемъ послушаеши, о церквахъ Божиихъ велми печашеши. А стражбу земли Рускои мужествомъ дрѣжаше, злобою отрочьа обрѣтаеши, а умомъ всегда съврѣшенъ бываше. Ратнымъ же всегда въ бранехъ страшенъ бываше, и многи враги, востающыи на ны, побѣди... (с. 206).</p> <p>И по браце цѣломудрено живяста, яко златоперсистый голубь и сладкоглаголиваа ластовица, съ умилениемъ смотряючи своего спасения, въ чистѣи свѣсти, крѣпостию разуму притержаеши земное царство и к небесному присягаеши, и плоти узодия не творячи... (с. 206—208).</p> <p>От юны бо версты Бога възлюбилыи и духовныхъ прилежаша дѣлехъ, аще и книгамъ не ученъ бѣаше добръ, но духовныи книги въ сердци своемъ имаше... (с. 212).</p> <p>И по браце съвокупления тож тѣло чисто съблюде, грѣху не причастно... (с. 212).</p> <p>По вся часы честь и славу от всего мира приимаеши, а крестъ Христовъ на раму ношаеши, божественныи дни поста въ чистѣи храняеши, а по вся неделя от святыхъ ташъ приимаеши... (с. 212).</p>

³⁴ См.: Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 81—90.

³⁵ См.: Демкова Н. С. Летописная агиографическая «повесть»... С. 55—56. Разделяя взгляд Н. С. Демковой на композиционную модель, лежащую в основе Повести о разорении Рязани, я предлагаю иное толкование сюжета и мотивов памятника. См.: Лобаква И. А. Проблема соотношения старших редакций... С. 51—52.

³⁶ Курсивом в таблице выделены близкие чтения.

В похвале роду рязанских князей чередуется прославление несколько гиперболизированных — как и положено в соответствии с жанром — добродетелей княжеских («лицем красны, очима светлы, взором грозны, паче мѣры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы <...> до осподарьских потех охочи», «мужествен умь имѣяше», «ратным во бранех страшени ивляшеся, многи враги, встаючи на них, побежаша», «а с погаными половцы часто бьяшеся» и др.) и христианских («к церквам прилежны», «чистоту душевную и телесную без порока соблюдаста», «от самых пелень Бога возлюбили, о церквах Божиих вельми печашеся», «плоти угодие не творяще», «дни святого поста честно храняста» и др.). В Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича похвалы перемежаются краткими биографическими уточнениями и рассказом о главном историческом деянии князя — Куликовской битве. Отточиями в таблице отмечены все эти разные по объему сведения (от одного предложения — после первого фрагмента текста — до достаточно подробного изложения обстоятельств сражения на Дону — после третьего). Но похвалы в двух памятниках — Повести и Слове — отличаются не только по композиции, они сильно разнятся в содержательном плане: только один раз в тексте подчеркивается достоинство Дмитрия Ивановича Донского как князя-воина: «стражбу земли Руской мужествомъ дрѣжаше, злобою³⁷ отроча обрѣташеся, а умомъ всегда съврѣшень бываше. Ратным же всегда въ бранех страшен бываше, и многи врагы, встающая на нь, побѣди». Во всех славословиях превозносятся христианские добродетели князя, прежде всего его целомудрие. Похвалы в Слове о житии и преставлении могут повторяться: «а по браце цѣломудрено живяста» — «и по брацѣ съвокупления тож тѣло чисто съблюде, грѣху не причастно»; «от самѣх пелень Бога възлюби» — «от юны бо версты Бога възлюби»; «но духовных прилежаше дѣлесех» — «и духовных прилежа дѣлех». Дважды повторяется в Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича словосочетание «честь и слава». В похвале роду рязанских князей мы встречаемся с этим важным понятием лишь однажды: «И честь и славу от всего мира приимаста». Как представляется, здесь еще сохраняются следы достаточно древней оппозиции «честь—слава», проанализированной Ю. М. Лотманом.³⁸ Старшему князю приличествует слава, младшим — честь. В Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича читаем: «По вся часы честь и славу от всего мира приимаше», что уже мало соотносится с существовавшей в литературе Киевского периода художественной оппозицией (кто великому князю будет выделять «честь»?). Но само словосочетание встречается не единожды. В первый раз читаем: «Въспитан же бысть въ благочестьи и въ славѣ, со всяцем наказании...». Быть воспитанным в славе — это достаточно неожиданная характеристика, не встречавшаяся прежде, насколько мне известно, в других литературных памятниках. Возможно, появление этого слова связано с тем, что в предшествующем ему слове «благочестьи» переписчик увидел «честь и», что вызвало воспоминание об устойчивом словосочетании (чести и славы). В тексте похвалы Дмитрию Ивановичу следующее употребление разбираемого словосочетания также не вполне уместно: совсем юным князь Дмитрий принял свою отчину «по данѣи нему благодати от Бога, чести же и славы, еще же млад сыи възрастомъ, но духовных прилежаше дѣлесех...». Разумеется, в данном контексте затруднительно обнаружить какую-либо связь со старой поэтической традицией: честь и слава выступают здесь как равноценные понятия (наравне с

³⁷ Слово «злоба» в данном контексте не вполне уместно. Словари фиксируют следующие его значения: «порок», «злодеяние», «зло», «бедствие», «забота».

³⁸ Лотман Ю. М. 1) Об оппозиции «честь» — «слава» в светских текстах Киевского периода // Тр. по знаковым системам. Тарту, 1967. Вып. 3. С. 110—112 (Учен. зап. Тартус. ун-та. Вып. 198); 2) Еще раз о понятиях «слава» и «честь» в текстах Киевского периода // Там же. Тарту, 1971. Вып. 5. С. 469—474 (Учен. зап. Тартус. ун-та. Вып. 284).

благодаря). Все эти частные замечания, наряду с содержательной стороной похвалы и ее композиционной организацией, подтверждают уже существовавшую точку зрения о первичности похвалы роду рязанских князей.³⁹ Поскольку нет никаких текстологических доказательств вторичности плача Ингваря Ингоревича, а первичность похвалы роду рязанских князей бесспорна, то гипотеза о влиянии текста «Повести о разорении Рязани Батыем» на Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича представляется более убедительной, чем предположение о влиянии плача княгини Евдокии на плач князя Ингваря, с одной стороны, и влиянии похвалы роду рязанских князей на похвалу Дмитрию Ивановичу — с другой.

Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву — еще одно произведение, которое, по мнению Д. С. Лихачева, обнаруживает следы влияния «Повести о разорении Рязани Батыем».⁴⁰ Д. С. также подчеркнул, что «Повесть о разорении Рязани Батыем» была дважды использована в московском летописании первой четверти XV в.⁴¹ Б. М. Клосс предложил иное объяснение близких чтений в текстах двух памятников, сопоставив «Повесть о разорении Рязани Батыем» (в ред. Б 2-го вида) с Повестью о нашествии Тохтамыша в редакции Московского свода 1479 г.⁴² Подобное сопоставление, как представляется, не вполне корректно. Если проводить текстологическое сравнение, то необходимо, на наш взгляд, рассмотреть тексты всех основных редакций «Повести о разорении Рязани Батыем», а также текст Новгородской 4 летописи, в которой читается древнейший вид Пространной Повести о нашествии Тохтамыша, положенный в основу описания бедствий Москвы создателем Московского свода 1479 г.⁴³ Причем представляется необходимым сопоставить не просто близкие чтения, но все эпизоды, в которых, на наш взгляд, создатель Повести о нашествии Тохтамыша ориентировался на сюжет «Повести о разорении Рязани Батыем»: 1) известие о приходе врага; 2) отправление с посольством сына князя; 3) сбор войска князем перед битвой; 4) разорение врагами близлежащих земель; 5) битва с родственником вражеского военачальника; 6) описание битвы и взятия города; 7) плачи. Таким образом, на наш взгляд, можно говорить о том, что «Повесть о разоре-

³⁹ Лихачев Д. С. 1) Повести о Николе Зараском. 1949. С. 264. 2) Повести о Николе Зараском. 1987. С. 335. Похвала неоднократно разбиралась Д. С. Лихачевым в основном с точки зрения «литературной отделки, тонкости литературного рисунка» (см.: Лихачев Д. С. 1) Повести о Николе Зараском. 1949. С. 273; 2) Великое наследие... С. 234—235. Привлеклась похвала в работе исследователя о «Слове о полку Игореве» как аналог соединения похвалы-плача, определяющего «жанровую направленность» Слова (см.: Лихачев Д. С. Вступительная статья // Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 30—33 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.)). Аргументов об обратном влиянии двух «похвал» исследователями не приводилось.

⁴⁰ Лихачев Д. С. Повести о Николе Зараском. 1949. С. 263—264. Б. М. Клосс пытался найти доказательства вторичности похвалы роду рязанских князей, как и плача и всей Повести, сопоставляя ее со сведениями о взятии Рязани и о нашествии Тохтамыша в Московском своде 1479 г. При этом сопоставлении он проигнорировал откровенно вторичные чтения Московского свода: «бо граница» (вместо «багрянница»); «в берненем телеси» (вместо «бреном»); «от уны бо врасты» (вместо «от уны возраста» или «от уны бо версты»); «якъ архангел сладко вещающи» (вместо «аки орган сладко вещающи»); «светованья явились» (вместо «сетования»); «вдовья победа» (вместо «беда») — РНБ, Эрмитаж. собр., № 416 б, с. 547—554. Рукопись XVIII в., написанная без «Ъ». В своей работе Б. М. Клосс цитирует текст никогда не публиковавшегося свода 1479 г. по тексту Московского свода конца XV в. (ПСРЛ. М., 1949. Т. 25). См.: Клосс Б. М. Источники Повести о Николе Зараском // Избранные труды. Т. 2. Очерки по истории русской агнографии XIV—XVI веков: Агнография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. М., 2001. С. 436—463. Об отношении к концепции Б. М. Клосса см.: Лобков И. А. Заметки по текстологии...

⁴¹ См.: Лихачев Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем»... С. 272.

⁴² См.: Клосс Б. М. Источники Повести о Николе Зараском. С. 441—443.

⁴³ См.: Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 137—

нии Рязани Батыем» явилась не просто литературным источником, но «литературным образцом»⁴⁴ для создателя Повести о нашествии Тохтамыша.

Известия о приходе татар и в литературной Повести, и в летописных памятниках объединены темой вражеского нашествия и большой численностью татарского войска (см. табл. 1 на с. 535). В данном случае, разумеется, некорректно объяснять незначительное сходство непосредственными связями между этими памятниками (о внезапности нападения и множестве воинов татарского царя говорится в статьях, посвященных Батыеву нашествию в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях; эти же факты отмечены в древнейшем виде Повести о нашествии Тохтамыша в Симеоновской летописи и Рогожском летописце). Таким образом, возможность близких чтений в текстах памятников обусловлена сходством исторических обстоятельств. Однако следует заметить, что в ред. Б 1-го вида и источнике Московского свода 1479 г. — Новгородской Карамзинской наблюдается еще одно совпадение: в качестве вступления в этом виде ред. Б Повести о разорении Рязани читается вступление о казнях Божиих, опирающееся на текст Повести временных лет под 1068 г., а рассказ о нашествии Тохтамыша предваряется описанием зловещего знамения — «звезды хвостатой или копейным образом», предсказавшего появление Тохтамыша. Разумеется, при внешней близости два вступления все же отличаются друг от друга: рассуждение о казнях Божиих связано с одной из основных идей христианского мироустройства, а небесное знамение является лишь предупреждением человеку о грядущих событиях и может быть истолковано и к добрым переменам, и к горю. Но в рамках поставленной нами проблемы важно обратить внимание на то, что сходство исторических обстоятельств, возможно, и стало главной причиной внимания создателя пространного вида Повести о нашествии Тохтамыша к «Повести о разорении Рязани Батыем».

Следование за сюжетом Повести о разорении Рязани не всегда приводило к созданию подобных ситуаций в тексте Повести о нашествии Тохтамыша. Так, если в Повести князь Юрий Ингоревич посылает сына Федора к Батыю с посольством, то причина, по которой суздальский князь посылает к Тохтамышу своих сыновей, остается в тексте летописного памятника тайной (в повествовании они появляются у стен осажденной Москвы, убеждая москвичей сдаться). Для чего они так стремились догнать татарского царя и зачем были посланы, никак не объясняется (см. табл. 2 на с. 536).

В «Повести о разорении Рязани Батыем» совет князя Юрия с братьями, обращение за помощью во Владимир, гибель посольства, отказ Георгия Всеволодовича Владимирского помочь рязанцам — все это лишь перечисление обстоятельств, которые никак не влияют на решение рязанских князей защищать свой город. С самого начала им понятно, что победить нельзя: уже в первом обращении Юрия к братьям и дружине звучит призыв «испить чашу смертную», но не принять бой для них невозможно. Вместе с дружиной они оставляют город, выступив навстречу врагу. Князь Дмитрий Московский, узнав о приходе татар, также «нача сбирати воя и съвокупляти плъки своя, и выѣха из града Москвы, хотя ити противу татарь», но после совета с другими князьями и воеводами, обнаружив разногласия, «убояся стати в лице противу самого царя. И не ста на бой противу его, и не подъя руки на царя, но поеха в град свой <...> и вборзѣ на Кострому»⁴⁵ вместе с собранными полками, оставив Москву без своей защиты (см. табл. 3 на с. 536).

⁴⁴ Согласно мнению Ю. Алиссандратос, «литературный образец» диктует полную последовательность событий, предлагает модель подачи материала. См.: A l i s s a n d r a t o s J. Medieval Slavic and Patristic Eulogies. P. 67.

⁴⁵ Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву // ПЛДР. XIV—середина XV века. М., 1981. С. 192.

Как и в Повести о разорении Рязани, в Повести о нашествии Тохтамыша перед рассказом об осаде столицы читаем о разорении близлежащих городов (см. табл. 4 на с. 537). В литературной Повести это описание двухчленно: приказ Батыева («веля бити, и съчи, и жещи без милости») и его реализация (города Пронск, Белгород и Ижеславец «разори до основания, и все люди побиша без милости. И течаше кровь крестьянская, яко река сильная, грѣх ради нашихъ»). В Повести о нашествии Тохтамыша в сходном чтении обнаруживается своего рода развитие все того же Батыева повеления: «Царь же Тохтамышъ <...> взя град Серпоховъ и огнем пожже <...> волости и села воюючи и жгущи, а народы християньския секуще и убиваючи всячески». Сведение о полоне (исторически реальное) делает тему всеобщей гибели менее напряженной.

В Повести о разорении Рязани Евпатий Коловрат, примчавшийся из Чернигова в Рязанскую землю, увидев разгромленную Рязань, желая отомстить, с малой дружиной устремился вслед войскам Батыева. Он выступил против родственника Батыева (сына шурина — ред. А или шурина — ред. Б1 и Б2) и победил его. Мотив поединка с родичем царя в Повести о нашествии Тохтамыша можно увидеть в эпизоде, повествующем о суконнике Адаме, который с Фроловских ворот поразил стрелой «сына князя ордынского» (см. табл. 5 на с. 537). Тема мести врагу в Повести о нашествии Тохтамыша получила воплощение в другом эпизоде: уже после разгрома Москвы татарское войско оказывается недалеко от Волока. «Князь же Володимерь Андреевич стояше опльчився близъ Волока, събравъ силу около себе. И нѣции от татаръ не вѣдуше его, ни знаючи наехаша нань. Он же о Бозѣ укрѣпився и удари на нихъ. И тако милостию Божию овых уби, а иных живых поима, а иных побѣгоша, и прибѣжаша к царю...».⁴⁶ С эпизодом о Евпатии Коловрате связан еще один образ в Повести о нашествии Тохтамыша: притупившегося в битве оружия (см. табл. 6-1 на с. 538). Но если в Повести о разорении Рязани этот образ связан с дружинниками Евпатия, которые вынуждены были брать оружие врагов и биться им, то в рассказе о взятии Москвы контекст другой. Во-первых, образ оказывается соотношенным с татарами. Во-вторых, связан с мотивом усталости в битве («яко и руки и плеча их измолкоша, и сила их изнеможе, саблям же их острия притупишася»). В Повести о нашествии Тохтамыша этот героический мотив оказался снижен: его было бы точнее назвать мотивом усталости в избитии горожан от мала до велика.

Описание осады и разорения окрестностей столицы и в Повести о разорении Рязани, и в Повести о нашествии Тохтамыша достаточно близки. Но если в плане содержания такая близость объясняется реальной практикой ведения осады (и в европейской, и в славянской традиции), то в плане выражения описание в литературном памятнике предельно кратко и поэтически обобщенно, а в исторической повести более детализированно и пространно (см. табл. 6-2 на с. 538).

В «Повести о разорении Рязани Батыем» описание взятия города опирается, как уже было показано,⁴⁷ на четкую формулу «град разорен, церкви позжены, люди побьены». Формула эта повторяется в литературной повести несколько раз, причем каждая из составляющих может разрастаться. В кульминации Повести — рассказе о гибели Рязани — повествуется о смерти ее жителей: в соборной церкви от меча гибнут рязанские княгини (власть светская), огнем сожжены в церкви весь «священнический чин» (власть духовная), от меча, огня и воды гибнут и все горожане. После рассказа о смерти всех рязанцев кратко перечислены злоеющие «деяния» врагов: «И весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство резанское и сродник их киевское и черниговское поимаша. А храмы Божия разориша, и во святых олтарех много крови пролиаша». Картина сожненно-

⁴⁶ Там же. С. 204.

⁴⁷ См.: Лобак ова (Евсеева) И. А. Анализ формульного стиля... С. 122—124.

го разграбленного города с разоренными храмами и оскверненными алтарями дана ритмизованной прозой без применения эмоциональных средств выражения. Возвращаясь к сопоставительной таблице, посмотрим на многословное описание потерь в казне и богатствах, содержащееся в Повести о нашествии Тохтамыша: разграбление княжеской казны, богатств воевод и бояр, купеческих клетей. Долгий подробный список становится чуть ли не главной частью описания разоренной Москвы.

В «Повести о разорении Рязани Батыем» формула разоренного города появляется не единожды: в эпизоде с Евпатием Коловратом она возникает при описании открывшейся картины сначала Рязанской земли, а потом — самой Рязани и предваряет ситуацию плача; повторяется она еще раз при взгляде на Рязань князя Ингваря Ингоревича, затем следует плач князя и автора. В Повести о нашествии Тохтамыша появление повторов (о церквах, ценностях, убитых церковных служителях) ситуативно никак не объясняется: оно не связано, как в литературной повести, с чередованием взглядов на город разных героев произведения (см. табл. 6-2б, 6-2в на с. 539—540).

Описание возвращения Ингваря Ингоревича в ред. А литературной Повести имеет существенное отличие от обоих видов ред. Б. В ней читаем, что князь пришел из Чернигова «в землю Рязанскую, во свою отчину, и видя ея пусту, и услыша, что братья его вси побиены от <...> Батыя. И прииде во град Рязань, и виде град разорен, а мать свою, и снохи своя...». В ред. Б оказались пропущены слова о том, что князь, придя в свою землю, услышал о гибели братьев, а в Рязани увидел тело матери. Наиболее вероятно, что этот пропуск был уже в протографе ред. Б. Из-за пропущенных слов в 1-м и 2-м видах ред. Б оказалось, что следующая за ними часть фразы: «видя брата своя, побиены от нечестиваго царя Батыя» была отнесена к описанию разоренной Рязани. В результате тела братьев Ингваря — первое, что он увидел в городе (чего быть не могло, так как Юрий Ингоревич с братьями, согласно тексту Повести, погибли на реке Воронеж). Таким образом, здесь наблюдается еще одно текстологическое подтверждение вторичности текста ред. Б по отношению к ред. А «Повести о разорении Рязани Батыем». Вернемся к нашему сопоставлению.

Слова «И не оста во градѣ не един живых» в ред. основной А литературной Повести не просто предваряют появление центрального символического образа произведения — единой смертной чаши для всех, но и «поддерживаются» на протяжении всего повествования (если и находятся живые, то «вне града»). В обоих видах ред. Б есть сведения о полоне, захваченном монголо-татарами. В Повести о нашествии Тохтамыша тема пленения усилена.

Наиболее показательны принципы работы автора Повести о нашествии Тохтамыша с источником на примере плача (см. табл. 7-в на с. 542). Во-первых, четкая ритмическая формула авторского плача в ред. А «Повести о разорении Рязани Батыем»: «Кто не возплачетца толика погибели, или хто не възрыдает о селице народе людей православных, или хто не пожалит толико побито великих государей, или хто не постонет таковаго пленения?» — начала «обрастать этикетными деталями» уточняющего свойства уже в ред. Б обоих видов. В Повести о нашествии Тохтамыша происходит замена одного из блоков формулы: в Москве никто из государей не пострадал (все благополучно покинули Москву до прихода татар), потому дважды поминаются погибшие горожане. Во-вторых, в традициях московской «приказной школы» сразу после плача читается обширное добавление о тяжелых финансовых затратах, постигших князя, вынужденного хоронить умерших. В «Повести о разорении Рязани Батыем» говорится о том, что сам князь Ингварь разбирал тела мертвых в Рязани, а потом со священниками погребал их с «плачем великим во псалмов и пѣсней мѣсто»; затем хоронил тела братьев и дружины, оплакивая их. В Повести о нашествии

Тохтамыша вслед за плачем — канцелярский перечень убытков: «И повелѣша телеса мертвых хоронить, и даваста от 40 мрътвецъ по полтинѣ, а от 80 — по рублю. И съчтоша того всего от погребаниа мертвых дано бысть 300 рублей. А oprичь того, елико здѣлаша татари напасти же и убытка Руси и княжению великому! Елико сотвориша протора своим ратнымъ нахожениемъ, колико град плениша, колико злата, и сребра, и всякого товара взяша, и всякого узорочья! Колико огнемъ пожгоша, колико мечемъ посѣкоша, колико в полон поведоша! И аще бы мощно было то вси убытки, и напасти и проторы исчитати, убо не смѣю рещи, мню, яко ни тысяща тысячъ рублей не имет число!». Крайне затруднительно из такого стилистического конгломерата создать одно из самых совершенных произведений литературы Древней Руси, к которым справедливо относят «Повесть о разорении Рязани Батыем». Более всего это сочетание лиро-эпических форм изложения с канцелярским стилем напоминает «Задонщину», перелицевавшую «Слово о полку Игореве» в том же направлении, что и создатель Повести о нашествии Тохтамыша — «Повесть о разорении Рязани Батыем»: «То ти были не орли слѣтѣшася — выехали посадники из Великаго Новгорода, а с ними 7000 войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его, князю Владимиру Андрѣевичю, на посobie».⁴⁸

Продланное сопоставление обнаруживает, что уже в первоначальном виде Повесть о нашествии Тохтамыша следовала за сюжетом Повести о разорении Рязани и ряд заимствований из литературной Повести читается уже в нем. Сравнение летописных повестей подтверждает выводы М. А. Салминой о том, что составитель Московского свода 1479 г. сокращал свой источник (описание разорения Москвы, плач церкви, например) и одновременно вносил незначительные добавления.⁴⁹ Одним из источников таких добавлений и стала «Повесть о разорении Рязани Батыем» в ред. Б. Текст Повести о нашествии Тохтамыша не дает возможности определить, был ли это 2-й вид ред. Б, но поскольку в сведениях о разгроме Рязани в Московском своде есть точная цитата именно из этого вида редакции, то, вполне возможно, источником Повести о нашествии Тохтамыша также была ред. Б 2-го вида.

Таким образом, близость чтений с текстом «Повести о разорении Рязани Батыем» обнаруживается уже в первоначальном виде Повести о нашествии Тохтамыша на Москву, который читается в Новгородской 4 летописи. Этот вид был положен в основу рассказа о пленении Москвы составителем Московского свода 1479 г. и несколько расширен новыми добавлениями из текста литературной Повести. Приведенный материал позволил обнаружить также общность принципов работы московского автора с текстом своего источника: следование сюжетной схеме, механичность повторов, увеличение количества подробностей, сочетание лиро-эпического стиля (наследия источника) и элементов канцелярско-делового (внимание к цифрам, бухгалтерский подход в «расшифровке» поэтических образов, внимание к денежной стороне дела).

Сопоставление «Повести о разорении Рязани Батыем» со Словом о житии и преставлении Дмитрия Ивановича и с Повестью о нашествии Тохтамыша на Москву позволяет прийти к выводу о том, что составитель Московского свода, в который эти два произведения были включены, был знаком с текстом Повести. Вопросы, кто был этим составителем и когда это произошло, разобраны А. Г. Бобровым: «В этом своде, в целом более полно (по объему) отраженном в С1, но, как правило, более точно в выборке НК2, „поэтические“ тексты, создание которых Г. М. Прохоров, а теперь и Б. М. Клосс справедливо связывают с именем Епифания Премудрого, должны были читаться в том же виде, что и в

⁴⁸ «Задонщина» // ПЛДР. XIV—середина XV века. М., 1981. С. 98.

⁴⁹ См.: Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша. С. 139—140.

НК2. Наличие в протографе С1—НК2 (Своде Фотия) „некрологов“ Михаила Тверского, Киприана и Арсения Тверского, а также „Слова о небесном знамени“, приписываемых Епифанию Премудрому, подтверждается их стилистической родственностью и предполагаемой общей атрибуцией с рядом других летописных повестей, впервые появляющихся в составе протографа С1—НК2 (начиная с Повести «О различныхъ градоплєненияхъ, о Дмитровѣ, о Переяславли, и о Кашинѣ, и о Торжку, и о Любутскѣ» 1372 г., «Повесть о нашествии Тохтамышша», «Слово о житїи и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича...»), и вплоть до «некролога» Арсения Тверского 1409 г.). Можно полагать, что включение в состав летописи предполагаемых творений Епифания носило единовременный характер и было одной из наиболее существенных характерных черт реконструируемого гипотетического летописного свода митрополита Фотия». ⁵⁰ Т. е. можно прийти к заключению, что Епифаний был знаком с текстом «Повести о разорении Рязани Батыем», который, в разном объеме и по-разному обработав, включил в Повесть о нашествии Тохтамышша и Слово о житїи и преставлении Дмитрия Ивановича. Составитель Московского свода 1479 г. внес свои добавления из текста литературной Повести, несколько расширив круг заимствований своего источника.

⁵⁰ См.: Б о б р о в А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 147. Существующие точки зрения на проблему общего протографа, аргументы исследователей в пользу различных его датировок подробно проанализированы: Там же. С. 96—166.

Таблица 1

Ред. А	Ред. Б 1	Ред. Б 2	Н I К*	Моск. свод 1479 г.
<p>Въ лѣто 6745, въ фторое на десять лѣто по принесенни из Корсуна чюдотворнаго образа Николаина образа, поущающу Богу за грехи наша иногда глад бысть велий, а иногда трус и градове велишестве поганых, и нашоубна брань за наше прегрешение. <i>Прииде безбожный царь Батый на Рускую землю со множеством вой татарскими и ста на рецѣ Рязанския</i> (с. 278).</p>	<p>В лето 6745, во второе на десять лето по принесенни из Корсуна чюдотворнаго Николаина образа, поущающу Богу за грехи наша иногда трус и градове велишестве поганых, и нашоубна брань за наше прегрешение. <i>Прииде безбожный царь Батый на Рускую землю со множеством вой татарскими. И ста на реке на Вороняже</i> (с. 308).</p>	<p>В лето 6745, в второе на десять лето по принесенни из Корсуна Николаина образа, <i>прииде безбожный царь Батый на Рускую землю со множеством вой татарскими</i> и ста на Вороняже (с. 329).</p>	<p>Бысть нѣкое проявление по мнози ноши: являшася таково знамение на небеси на вѣстоцѣхъ предъ райною заорею — звѣзда нѣкаа, аки хвостатъ и аки копейнымъ образомъ, овогда в вечерней зарѣ, овогда же въ утренѣи; Се же знамение проявляше злое пришествие <i>Татмышево</i> на Рускую землю... Бысть в третие лѣто царства <i>Татмышева</i>... посла слуги своя в градъ, нарицаемый <i>Блѣгары</i>... А самъ потшася съ яростно, събрае <i>воя мнози</i>, и подвижеса к <i>Волзѣ съ всею силою своею</i> перевезеса на <i>изгномъ на великаго князя Дмитрия Ивановича</i> и на <i>всю Русь</i>. Ведяще же бо <i>ратѣи веззаша</i> из <i>нѣвѣсти умѣни</i> емъ <i>тацѣмъ злохитриемъ</i> — не даюши <i>вѣсти</i> преди себе, да не услышано <i>будет</i> на <i>Руси</i> устремление его (с. 144).</p>	<p>Исходяшу второму лѣту царства <i>Татмышева</i>, и пошла татар своих в болгары... А сам съ яростно собра <i>воя мнози</i>, и поиде к <i>Волзѣ съ всею силою своею</i>, и перевезеса на сю сторону <i>Волгы со всею силою своею</i> и поиде <i>изгномъ на великово князя Дмитрия Ивановича</i> и на <i>всю землю Русскую</i>, и <i>идяше безвѣстно, веззаша</i>, съ <i>умѣниемъ</i> (с. 139).</p>

* Новгородская Карамзинская летопись

Таблица 2

Ред. А	Ред. Б 1	Ред. Б 2	Н И К	Моск. свод 1479 г.
И начаша совещевати, яко нечестиваго подобает уготовати дары. <i>И посла сына своего князя Феодора Юрьевича Резаньскаго к безбожному царю Батыю з дары и молении великия земли. Князь Федоръ Юрьевич прииде на реку на Воронеже к царю Батыю (с. 288).</i>	И начаша совещевати, яко нечестива подобает уготовати дары. <i>Посла сына своего князя Феодора Юрьевича и иных князей к безбожному царю Батыю з дары и молением великими, чтобы не воевал Резанские земли. Князь Федор Юрьевич вскоре прииде ко царю Батыю (с. 309).</i>	И начаша с ними съвещевати, яко нечестива подобает уготовати дары. <i>И посла сына своего князя Феодора Юрьевича к безбожному царю Батыю с дары и молении великими, чтобы не воевал Резанская земля. И князь Федор Юрьевич сретя царя Батыя на Воронеже (с. 329).</i>	И то слышав, князь Дмитрий Костянтинович Суждальский посла к царю Тахтамышу два сына своя, Василья да Семёна. Они же пришедше, не обрѣтоша его, бѣ бо вборзе идый на Русь, они же <i>гнаша въслед</i> его нѣколико дний, и переша дорогу его на мѣстѣ, нарицаемѣмъ Сернацѣ, и поидоша по дороге его съ тшаниемъ, и достигоша его <i>близ предѣль Резаньския земля (с. 144).</i>	Слышавъ же то князь Дмитрий Костянтинович Суждальский и посла два сына своя к царю Тахтамышу: князя Василья да князя Семёна. Они же пришедше и не обрѣтоша его, бѣ бо вборзе идый на Русь, они же <i>гнаша въслед</i> его нѣколико дний, и переша дорогу ему на Сернацѣ, и поидоша со тшаниемъ дорогою его, и состигоша же его <i>близ Резаньскихъ предѣль (с. 139).</i>

Таблица 3

Ред. А	Ред. Б 1	Ред. Б 2	Н И К	Моск. свод 1479 г.
И начаша совокулявати воинство свое и учредиша полки... <i>И поидоша противу нечестиваго царя Батыя и сретоша его близ предел резанских...</i> (с. 289).	А сам князь велики з братьею вборзе начаша совокулявати войско свое и укрепляти... <i>И поидоша противу нечестиваго царя Батыя, и сретоша его близ предел резанских...</i> (с. 310).	Князь великий Юрий Ингоревич Резанский слыша, яко не бысть ему помози. <i>И вборзе начаша войско свое укрепляти. И поидоша противу безбожнаго царя Батыя, и сретоша его близ предел резанских...</i> (с. 331).	Слышав же князь великий таковою вѣсть, оже идетъ на него самъ царь въ множествѣ силы своея, <i>нача собирати вой и совокуляти плъки своя, и вѣха из града Москвы, хотя ити противу татар.</i> И ту начаша думу думати... (с. 144—145).	Великий же князь Дмитрий слышавъ вѣсть сию, яко самъ царь идетъ на нь со множествомъ силы своея, <i>и нача совокуляти свои полци ратници, и иде из города Москвы, хотя ити противу татар.</i> И начашъ со братьею своею... (с. 140).

¹ Здесь в тексте ред. Б 2-го вида отсутствуют эпизоды, повествующие об обращении князя Юрия Ингоревича к воинству и братьям, его молитва в храме и сцена прощания с княгиней и всем городом.

Таблица 4

Ред. А	Ред. Б 1	Ред. Б 2	Н I К	Моск. свод 1479 г.
И лачаши воевати Рязанскую землю, и веля бити, и веля милости. И град Прънеск, и град Бъл, и Ижеславец розари до основана, и все люди побнша без милости. И течаше кровь христьянская, яко река, грѣх наших ради (с. 291).	Царь Батый нача воевати Рязанскую землю и веля бити, и сечи, и жечи без милости. И град Пронеск, и град Бел, и Ижеславец розари до основана, и все люди побнша — мужа, и жены, и чада их. Течаше бо кровь христьянская, яко река, грѣх наших ради (с. 313).	Царь Батый лачаше воевати землю Рязанскую и веля бити, сечи, и жечи без милости. И град Пронеск, и град Бел, Ижеславец розари до основана, и все люди побнша — мужа, и жены, и чада их. Течаше бо кровь христьянская, яко река, грѣх наших ради наших (с. 333).	Царь же перешед рѣку Оку и пречеже всѣхъ взя град Серлохов и огнемъ пожеже. И отгуду поиде к Москвѣ, напрасно устремився, волости и села жгущи и волюючи, а племь христианский съжучи и всячески убивающе, а племь люди в полон емлюще (с. 145).	Царь же Тахтамышъ перешед Оку, пречеже всѣхъ взя град Серлоховъ и огнемъ пожеже. Отгуду же прииде к Москвѣ-граду, напрасно устремився и наполнил дуга ратнаго, волости и села волюючи и жгущи, а народы христьянская секуще и убивающе всячески а племь в полонъ емлюще (с. 139).

Таблица 5

Ред. А	Ред. Б 1	Ред. Б 2	Н I К	Моск. свод 1479 г.
И посла иурича своего Хостоврула на Еупатиа, а с ним сильна полкы татарския... Еупатей же, исполни силою, и разсече Хостоврула на полы до седла. И начаша съчи силу татарскую... (с. 294).	Посла иурича своего Таврула на Еупатиа, а с ним сильны полки татарские... И Еупатей же, исполни силою, наехав на Таврула и разсече его на полы до седла. И начаша сечи рать татарскую... с. 315).	Вскоре посла иурича своего Таврула, а с ним велику рать татарскую на Еупатиа... Еупатий же, исполни силою, и съхвася с Таврулом, и разсече Таврула на полы до седла. И начаша сечи рать татарскую... (с. 336).	...нѣкто гражанинъ... Адамъ... примѣтив и назнанавав единого татарина наричана иурича и слава, иже бѣ сынь ибко-турского князя ордийского, и настрѣлю, и испусти стрѣлу напрасно на него, и в сердце гнѣвивое, и вскоре смерть ему нанесе. Се же таромъ... с. 146).	...нѣкто... Адамъ имени... и той примети единого татарина наричана и слава, иже бѣ сынь ибко-турского князя ордийского, и настрѣлю напрасно на него, и испусти стрѣлу напрасно на него, и в сердце гнѣвивое, и вскоре смерть ему нанесе. И бысть велика язва татаромъ и са-мому царю (с. 141).

Таблица 6

Ред. А	Ред. Б 1	Ред. Б 2	Н I К	Моск. свод 1479 г.
<p>1) И внезапно напалоша на станы Батыевы, и начаша съчи без милости... Еупатий тако их бяше пещидно, яко и мечи притупишася, и емля татарския мечи и съчаше их... (с. 293).</p>	<p>И внезапно на станы безбожного царя Батыа напалоша и нача сечи без милости... И Еупатий же тако сечаша их, яко и мечи притупишася, и емляше мечи татарския, полки проезжая и бяше их нещадно... (с. 314).</p>	<p>И внезапно напалоша на станы безбожного царя Батыа, и начаша сечи без милости... Еупатий же мечи притупишася, и сечаша их нещадно... (с. 335).</p>	<p>И бысть вгнуръ града съча велика, а вгнуръ тако же. Толико же съчашу, дондеже рунъ их и плеча их измолокша, и сила их изнемола, и сила их изнемола же, собляя же их острия рунъ их притупишася... (с. 146).</p>	<p>И бысть в градъ съча зла, а вгнуръ града тако съча велика. Толико же сечашу, яко и руки и плеча их измолокша, и сила их изнемола же, собляя же их острия притупишася... (с. 141).</p>
<p>2-а) И взяша град Резань месяца декабря в 21 день. И приидоша в церковь соборную пресвятая Богородици, и великую княгиню Агребнуну, матеръ великого князя, и с снохами, и с прочими княгинеми мечи иссекша, а епископа и священический чин озно предаша — во святый церкве пожгоша; а инии мнози от оружия падоша. А во Граде многих людей и с женой, и с дъти мечи иссекоша. И инии в рѣдѣ потопиша. И ервы, черноризца до оstantа иссекоша. И весь град пожгоша, и все узорочие наричатое резанское и киевское и сродник их киевское и во храмы Божия разориша, и во святых олтарех много крови пролияша, и инии мнози в полон поведени быша (с. 313).</p>	<p>И взяша град Резань месяца декабря в 21 день. И пожгоша весь град. И княгиню великую со снохами и прочими княгинеми в церкви соборной мечи иссекоша, а инии в полон поведоша, а иже, и дети мечи разсекоша. И ервы и черноризца до оstantа иссекоша и пожгоша. И все узорочие — богатство наричатое — богатство черниговское и киевское поимаша. А храмы Божия разориша, и во святых олтарех много крови пролияша, и инии мнози в полон поведени быша (с. 313).</p>	<p>И взяша град Резань месяца декабря в 21 день. И пожгоша весь град. А великую княгиню со снохами и прочими княгинеми в церкви соборной мечи иссекоша, а инии в полон поведоша, а иже, и дети мечи разсекоша. И ервы и черноризца до оstantа иссекоша и пожгоша. И все узорочие — богатство наричатое резанское и сродник их черниговское и киевское поимаша. И храмы Божия разориша, и въ святых олтарех много крови пролияша. А инии мнози в воде потопиша (с. 333—334).</p>	<p>Нѣгде избавленна обрѣсти, и нѣгде смерти обрѣсти, и нѣсть где острия меча укрѣпится!.. Ови в церквахъ съборныхъ каменныхъ затворилишася, но и тамо не избавишася: безбожнии бо силою разбиха двери церковныя и сехъ мечи изсѣкоша... Они же христианъ изводяще изъ церквей, дупающе и обнажающе, съчашу, и церкви съборныя разграбиха, и олтары святыя мѣста пограбиха, и кресты честныя и иконы чудныя одраша, украсеныя златомъ, и сребромъ, и жемчужнымъ, и съсуды церковныя священныя, златыя и сребряныя, многоцѣнныя поимаша. Просто же рѣчи, — многое множество бесчисленное не токмо града того, но и всѣхъ властей</p>	<p>Церкви же разграбиха, олтаря же и мѣста святыя оскверниша, кресты же честныя и святыя иконы чудныя одраша, украсеныя златомъ, и сребромъ, и жемчужнымъ, и съсуды церковныя священныя, златыя и сребряныя, многоцѣнныя поимаша. Просто же рѣчи, — многое множество бесчисленное не токмо града того, но и всѣхъ властей</p>

<p>б) [Евпатий] И приѣха в землю Рязанскую, и видѣ ея опустѣваю: грады разорены, церкви пожжены, люди побылены. И пригна во град Рязань, и видѣ град разоренъ, государи побиты, и множества народа лежациа: ови побыены и посѣчены, а ошны пожжены, или в рече истоплены (с. 293).</p>	<p>И вскоре пригна в землю Рязанскую, и видѣ ея опустѣваю, грады разорены, и церкви пожжены, и люди побылены. И пригна ко граду Рязани и виде град разорен, государи побиты, множества же народа лежациа: ови побыены и посечены, и или побыены, а или в рече истоплены (с. 314).</p>	<p>Евпатий же пригнав в землю Рязанскую, и видѣ ея опустѣваю, и грады разорены, и церкви пожжены, люди побылены. И пригна къ граду Рязани, виде град разорен, и государи побиты, множество же народа лежациа: ови побыены, и или посечены и позыжены, или в рече истоплены (с. 334—335).</p>	<p>служебныя священныя, златоканнныя и серебряныя, многоценныя помаша, и ризы поповскыя многоценныя расхитиша... Что же извѣрчить о казнь великаго князя, яко и тоя многоокороуеное скровище скоро истопиши, и велехранное богатство и богато творное имѣние быстройобразно разнесено бысть. Придемъ в сказание и прочих и многогыхъ бояръ старѣйшихъ: их же казны, долговременствомъ собираемы и благодѣньствомъ напльняемы, и хранлища их испльнь богатства и имѣния многогочѣннаго и неизчетнаго — то все взяша и понесоша. А пакы другыя сущи в градѣ купци, же суть богатии людие. Храминны ихъ наполнины всякаго добра, и клѣти ихъ нанесены всякаго добра разноличнаго — то все взяша и расхитиша. Многы монастыри и мнози церкви разрушиша, в святыхъ церквахъ убийство събѣяша, и в священныхъ олтарехъ кровопролитие створиша окаянии, и святая мѣста погани оскверниша... И ту убиен бысть Семень, архимандрит спасьскый, и другый архимандрит Иаков, и илии многои игумены, попове, дякони,</p>	<p>его и иныхъ град, снесеное ту, твердости ради града того, все то безвѣстно створиша. Также и многое множество казны великово князя вскоре разнесоша, еще же и бояръ старейшихъ казны долговременствомъ собираемы и вь благодѣньствѣ исполнены — то все взяша на расхищение. Также и сущихъ вь градѣ сурожанъ, и суконниковъ, и купцевъ, и всѣхъ людей храмы наполнины суть богатства и всякаго товару — то все расхитиша. Церкви же и монастыри разориша, и много убийство в нихъ створиша, вь священныхъ же олтарехъ кровь многу прольяха, мѣста святая оскверниша, священныи оружьи избѣяша, в нихъ же бѣ Снесьскый, и другый архимандритъ Ияковъ, и игумены, и попове, и дякони, и черницы, и черници от уна и до стара, мужескъ поль и женескъ — всѣ избѣчени быша, а илии вь водѣ истоплюша, друзии же — огнемъ изгорѣша, мнози же — в полонѣ поведени быша в работу поганскую и страну татарскую... Взять же бысть град Москва мѣсяца августа 26 вь 7 часъ дни в четвертокъ и огнемъ попалень (с. 141—142).</p>
--	---	--	---	--

Ред. А в) [Ингварь Ингоревич] И прииде из Чернигова в землю Резанскую, во свою отчину, и видя ея пуста, и услыша, что братъ его всё поблены от нечестиваго конопреступника царя Батяна. И прииде во град Резань, и виде град разорен, а мать свою, и снохи своя, и много мертвых лежаща. И град разоренъ, церкви пожжены, и все узорочье в казне черниговской и резанской взято (с. 295).	Ред. Б 1 И вскоре прииде во град Резань, видя брата своя поблены от нечестиваго царя Батяна, и видя братна своя поблены от нечестиваго царя Батяна, и снохи своя, и сродник своих множество много мертвых лежаща. А град разорен, земля пуста, церкви пожжены. Святых образы поожжены, и переколоты. И все узорочье взято резанское и черниговское (с. 316).	Ред. Б 2 Ингварь Ингоревич прииде ис Чернигова въ град Резань, и видя братна своя поблены от нечестиваго царя Батяна, и снохи своя, и сродник своих множество много мертвых лежаща. И град разорен. Земля пуста, церкви поожжены, и образы переколоты и ободраны. И все узорочье взято резанское и черниговское (с. 337).	Н I К криломаше, четци, певици, черницы и простици, от юнаго и до старца, мужеска полу и женска, — ти вси посьвени быша, а друзи огнемъ изгорѣни, и тиши в водѣ истопица, а инши множайшии от них в полон поведени быша. И тако вскоре злии взяша град Москву месяца августа въ 26 на память святаго мученика Андреяна и Натальи въ 7 час дни по обѣдѣ (с. 146—147).	Моск. свод 1479 г.
--	---	--	---	--------------------

Таблица 7

Ред. А а) Бысть убо тогда мнози туги и скорби, и слез и воздыханья, и страха и трепетя отъ всехъ злыхъ, находящихся на ны (с. 298).	Ред. Б 1 Бысть убо тогда мнози туги и скорби, и слезы и воздыханье, и страха и трепетя, и всехъ злыхъ, находящихся на ны грех ради наших (с. 319).	Ред. Б 2 Бысть убо тогда мнози туги и скорби, и слез и воздыханье, и страха и трепетя, находящихся на ны грех ради наших (с. 340).	Н I К И баше видѣти тогда в градѣ плач и рыдание, и вопль много, слезы неисчетныя, крикъ неутолимый, стонанье много, оханье стованное, печаль горкаа. Скорбь неутлишима, бѣда нестерпимаа, нужда ужаснаа, горесть смертнаа, страх, трепет, ужась, дряхлованье, исцезновение, поправление, безчестие, поруганье, посмѣяние враговъ, укорь, студ, срамота, поношение, уничижение (с. 147).	Моск. свод 1479 г. Бѣ же в то время видѣти въ градѣ на Москвѣ плачь, и рыдание, и вопль много, и слезы. И крикъ неутлишмый, и стонанье много, и печаль горькая, и скорбь неутлишмая, бѣда нестерпимая, нужда ужасная и горесть смертная, страх, ужас и трепеть (с. 142)
--	---	---	---	--

<p>б) Сий бо град Рязань и земля Рязанская! Изменися доброты ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видѣти — тожмо дым и пепел. А церкви все погорѣша, а великая церковь внутри погоре и почерѣша. Ни един бо град пленен бысть, но и инии мнози. Не бѣ бо во граде пѣния, ни звона: в радости мѣсто всегда плач творяше (с. 296).</p>	<p>[Си] и бо град и земля Рязанская! Изменися доброты ея, и отиде слава ея, и не бе, что в ней благо ведати — тожмо дым, и земля, и пепел. А церкви все погорѣша, а соборная церковь внутри погорѣша и почерне. Не един бо сий град пленен бысть, но и инии мнози. И не бе бо во граде пѣния, ни звона: в радости мѣсто плачь всегда творяше и рыдании (с. 316—317).</p>	<p>Сий бо град и земля Рязанская! Изменися доброты ея, и отиде слава ея, не бе в ней ничто же благо видети, тожмо дым, и земля, и пепел. А церкви погорѣша, а сама соборная церковь погорѣша и почернѣше внутри. Не един бо сей град пленен бысть. Но и инии мнози. Не бе бо во граде пѣния, ни звона: в радости мѣсто всегда плачь творяша, ни рыданье, и вопль мног (с. 340).</p>	<p>И бяше долотѣ прежде видѣти была Москва градъ многочисловъчней, в нем же множество людей, в нем же много всякого узорочья. И аки в единомъ часѣ измѣнися видѣние его, егда взятъ бысть, и посѣченъ, и поженъ. И видѣти его нѣчего, развѣ тожмо земля, и персть, и прах, и пепел. И трупа мертвых многа лежаша, и святыя церкви стояще аки разорены, аки осиротѣвши, аки овдовѣвши... (далее в тексте плач церкви. — И. Л.)... Сиде же бысть конецъ московскому плѣнению. Не тожмо же единая Москва гради и бысть, но и прочии гради и страны плѣнены быша (с. 147—148).</p>	<p>Иже преже бѣ великъ и чюдень град, и много множество людей бяше в немъ, кыпя же богатствомъ, и славою, презыдый же вся грады в Русей земли чество мноюю: в нем бо князи и святители живяша. По отшествии же мира сего полагахуся в немъ. В се же время измѣнися доброты его и отиде слава его, и уничижение прииде на нь, и гдѣ бѣ в немъ ничтоже благо видѣти, но тожмо дымъ, и земля. И многа трупия мертвых лежаша, а церкви камены вѣ огорѣвши, внутри же юду выгорѣвши, и почерѣвши, и полны крови христьяньскы и трупии мертвых. И не бѣ в них пѣния, ни звоненья, нигогоже приходяща к нимъ, не бѣ бо никоже въ градѣ осидѣло, но бѣ пусто в немъ. И не единъ же тожмо сей град пленен бысть, но и инии мнози грады и страны (с. 142).</p>
---	--	---	--	--

Ред. А	Ред. Б 1	Ред. Б 2	Н И К	Моск. свод. 1479 г.
<p>в) И едва отдохну душа его в нем. Кто бо не воззлачетца толкиа погибели, или кто не возрыдает о селице нарде людей православных, или кто не пожалит толкио побито великих государей, или кто не постоит такового пленения? Князь Ингварь Ингоревич разбирая трупа мертвых... (с. 296).</p>	<p>Едва отдохну душа его в нем. Кто бо не воззлачетца такие погибели, или кто не возрыдает о селице нарде людей, или кто не пожалит множество государей, и храбрых воевод, и нарочитых людей напрасно мужскую смертью скончавшаяся, или кто не постоит сиеваго пленения? Князь Ингварь Ингоревич похраняше... (с. 316).</p>	<p>И едва отдохну душа его в нем. Кто бо не въззлачется такця погибели, или кто не възрыдает о селице нарде людей напрасно мужскую смертью скончавшаяся, или кто не постоит сиеваго пленения? Ингварь Ингоревич похраняше... (с. 337).</p>	<p>... благоверный князь Дмитрий и Володимерь, кождо с своими бояры старыишии, вьехаста в свою отчину, в град Москву. И видьша град взятъ и огнемъ плънен, и огнемъ пожжены, и святаыя церкви разорены, а людей побитых трупуа мертвыхъ без числа лежаше. И о семъ сжалиси зъло, яко и расплакатиси има съ слезакоу. Кто бо не плачется такоуа погибели градыа, кто не жалууеть толкиа народа людей, кто не послужит о селищъ множествъ християнъ, кто не сътует сиеваго плънения и скрушенна? И повестьша телеса мертвых хоронити, и дааста от 40 мертвещъ по полтинъ, а от 80 — по рублю. И съчото того всего дано бысть от погребания мертвых 300 рублев... (с. 148).</p>	<p>... благоверный великий князь Дмитрий Иванович и брат его князь Володимерь Андреевич кыйждо съ своими бояры приѣхаста въ свою отчину на Москву. И видьша град взятъ и огнемъ пожжены, а святаыя церкви разорены, а трупуа мертвыхъ изъсченыхъ людей лежашу мнозая множества. И о семъ сжалиси велми воплиакоу многи. Кто бо не въззлачется такоуа погибели славного града сего, или кто не възрыдает о селищъ народъ людей, или кто не жалууеть селика множества християнска напрасно и нужно скончавшаяся, или кто не поужит и не послужит сиеваго зряй пленения? И повестьша телеса мертвых хоронити, и дааста от осмидесяти мертвещовъ по рублю хоронящимъ мертвья. И того всего выде от погребания мертвых 300 рублев (с. 142—143).</p>